

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Природа и общество античного Причерноморья

© 2002 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Побережье Северо-Западного Крыма насыщено исключительно большим количеством разновременных и разнохарактерных памятников. А.Н. Щеглов в начале 1970-х годов насчитывал 45 таких объектов¹, а С.Б. Ланцов на исходе 1980-х годов – свыше 80², и этот перечень непрерывно пополняется продолжающимися в настоящее время полевыми исследованиями. Среди этих объектов встречаются малые города и крепости, контролировавшие отдельные территории, своего рода локальные центры небольших сельскохозяйственных округов, отдельно стоящие укрепленные усадьбы, куст из нескольких укрепленных усадеб, обнесенных единой оградой, и, наконец, небольшие поселения, направленность которых пока не установлена. Вероятно, некоторые из них представляли собой хутора, кошары, промысловые стоянки и другие связанные с разнообразными видами хозяйственной деятельности человека пункты. Среди такого множества памятников подавляющее большинство остается анонимными. Античная письменная традиция донесла до нас наименования только нескольких древних населенных пунктов: локализация некоторых из них установлена, а остальных – требует уточнения. Нам остается надеяться, что в результате археологических раскопок будут найдены такие эпиграфические свидетельства, которые позволят установить название того или иного объекта. В данной статье мы остановимся на сохранившейся топонимической номенклатуре, которую так или иначе можно связать с интересующей нас территорией.

Керкинитида – самая известная древнегреческая колония в Северо-Западном Крыму. Название этого полиса античные авторы употребляют в двух формах. Гекатей Милетский (fr. 153), Геродот (IV. 55, 59) называют его Каркинитидой, римские авторы – Плиний Старший (IV. 84–85), Помпоний Мела (II. 4), Клавдий Птолемей (Geogr. III. 5.13) – Каркиной. Местные эпиграфические источники, такие, как Херсонесская присяга рубежа IV–III вв. до н.э. и декрет в честь Диофанта конца II в. до н.э. (IOSPE. I².352, 401), а также периплы Арриана (PPE. 30) и Анонимного автора (PPE. 83(57)) именуют ее Керкинитидой. По-разному воспроизводится этникон и на разновременных монетах полиса – K-KA, KAP-KAPKINI KEP-KEPKI³. Новые археологические

¹ Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. Рис. 8.

² Ланцов С.Б. Западный Крым в составе Херсонесского государства. Дис. канд. ист. наук. Киев, 1991.

³ Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. 16. С. 160–161; Анохин В.А. Монетное дело и денежное обращение Керкинитиды (по материалам раскопок 1980–1982 гг.) // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 136–137; он же. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 80–85; Кутайсов В.А. Монеты Керкинитиды V в. до н.э. // ВДИ. 1991. № 1. С. 46–69; он же. Керкинитида. Симферополь, 1992. С. 140–167; Kutajsov V. Cast Money and Coins of Kerkinitis of the Fifth Century B.C. // Ancient Civilizations. 1995. № 2. 1. P. 39–61.

исследования убеждают, что все нарративные данные относятся к одному и тому же пункту Северного Причерноморья. Смена огласовки топонима с ΚΑΡΚΙΝΙΤΙΣ на ΚΕΡΚΙΝΙΤΙΣ связана с переводом его с ионийского на дорийский диалект после присоединения города к Херсонесскому государству⁴, что могло произойти не ранее середины IV в. до н.э.

Для объяснения семантики этого слова предложено три основные версии: по первой Керкнитиды обязана своим именем обилию водившихся тут вплоть до недавнего времени крабов, т.е. «Крабий» город⁵, по второй – названа по Каркнитскому заливу (место у Крабового залива)⁶; по третьей – наименование колонии могло отражать не столько ихтиологические особенности прибрежной фауны, сколько форму самой бухты⁷. Аналогичный топоним засвидетельствован в двух районах античного мира: в Северной Македонии это гора, горная цепь и озеро Керкина (Thuc. II. 98), а также два острова в заливе Малый Сирт, у африканского побережья это Керкина с одноименным городом на нем и другой город поменьше – Керкнитиды (Strabo, II.5.20; XVII. 3, 12, 16–17).

Керкнитиды была основана в географически важной точке приморской полосы, судя по археологическим данным, в третьей четверти VI в. до н.э., ближе к середине столетия, что, по всей видимости, было связано с разгромом персами Ионии в 545 г. до н.э. После того как в самых ранних напластованиях памятника была найдена целая серия граффити на ионийском диалекте, стало окончательно ясно малоазийское происхождение апойкии. Однако до настоящего времени остается открытым вопрос: можно ли считать ее милетским выселком? Из нижнего горизонта городища происходят два посвящения Артемиде Эфесской на доньшках аттических чернолаковых сосудов⁸: одно из них на нижней плоскости подставки килика 480–460 гг. до н.э.⁹, второе – скифоса, невыразительный обломок которого позволяет датировать его только в пределах V в. до н.э. Н. Эрхард, которому не были известны наши находки, рассматривая аналогичные посвящения на ручке бронзового этрусского сосуда из Пантикапея, отмечал, что культ данного божества присутствовал только в Северном Причерноморье и не встречается в других милетских колониях. Он не исключал возможности перенесения культа Артемиды Эфесской как самими милетцами, так и другими почитавшими ее ионийцами, ибо Эфес, как известно, не основывал своих колоний¹⁰. М.Ю. Трейстер, развивая его идеи, предполагает непосредственное присутствие эфесцев в Пантикапее, а быть может, и среди первопоселенцев этой апойкии¹¹. Почитание эфесской Артемиды на раннем этапе существования Керкнитиды

⁴ Syll. 201. Adn. 8; Vinogradov J.G. Der Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Actes du IXe Congrès Intern. d'épigraphie grecque et latine. V. I. Sofia, 1987. P. 33; Ланцов С.Б., Павленков В.И. Рец.: Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. // ВДИ. 1988. № 3. С. 182; Виноградов Ю.Г. Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 19. Ближе к такому объяснению подошла О.Д. Дашевская, верно подметившая, что ранняя форма написания имени Каркин «известна вне сферы Мегар», но общая направленность ее статьи, обосновывающей гераклейское происхождение Керкнитиды, не позволила автору прийти к верному выводу (О происхождении названия города Керкнитиды // ВДИ. 1970. № 2. С. 126. Прим. 42).

⁵ Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 359.

⁶ Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев, 1991. С. 165.

⁷ Кутайсов. Керкнитиды. С. 55.

⁸ Он же. Античный город Керкнитиды VI–II вв. до н.э. Киев, 1990. С. 142; он же. Керкнитиды. С. 47.

⁹ Sparkes B.A., Talcott L. Black and plain pottery of the 6-th, 5-th and 4-th centuries B.C. // The Athenian Agora. 1970. 12. № 438, 440.

¹⁰ Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main – Bern – New York – Paris, 1988. S. 155.

¹¹ Трейстер М.Ю. Древнейший предмет этрусского производства в Северном Причерноморье и некоторые проблемы ранней истории Пантикапея // КСИА АН СССР. 1990. 197. С. 37–44.

и Ольвии¹² позволяет вслед за упомянутыми выше авторами допускать участие североионийских полисов в колонизации Милетом северных берегов Понта.

С Керкинитидой тесно связана идентификация шестой по перечню Геродота реки Скифии – Гипакирис (IV. 55). Если оставить в стороне самые невероятные локализации Гипакириса и ее отождествления с современными южноукраинскими реками, то большинство связывает ее со впадающей в Каркинитский залив рекой Каланчак и напояющим глубокую речную долину озером Донузлав¹³. Только недавно Дж. Хайнд предложил отождествлять Гипакирис с Сасык-Сивашским озером, расположенным южнее Керкинитиды¹⁴. Если давать более точную географическую характеристику, то следует указать, что северо-западный конец песчаной косы упомянутого озера почти достигает древнего города, а в несколько более раннее время она непосредственно примыкала к оконечности Карантинного мыса, где затем появилась эллинская апойкия¹⁵. В целом данное предположение укладывается в рамки теории А.Ф. Слудского о блуждании долины реки Салгир, древние русла которой отмечены современной Евпаторийской группой озер¹⁶. И хотя Сасык-Сивашское озеро в этом перечне отсутствует, логика рассуждений автора предпологает включение его в данный список. Однако миграция русла реки, по мнению А.Ф. Слудского, проходила в более отдаленные исторические периоды: окончательный отрыв Салгира от Черноморского бассейна и переход в Азовский произошел в вюрмскую эпоху. Таким образом, у нас нет достаточных оснований связывать Гипакирис с Сасык-Сивашским озером, несмотря на то что это может в какой-то мере объяснить противоречивое описание Геродота.

До недавнего времени считалось, что Керкинитида была в VI – первой половине V в. до н.э. единственным полисом на всем западном побережье Крыма. Однако на основании новых, полученных в последние десятилетия материалы исследователи отметили, что первоначальное поселение на месте более позднего Херсонеса возникло уже в последней четверти – на рубеже VI–V вв. до н.э. Анализ коллекции из 25 остраконов подвел их к выводу о совместном основании этого небольшого полиса Гераклеей и Синопой с ее западными колониями¹⁷. Правда, предположение об участии Синопы и подчиненных ей «малых городов» в колонизации Юго-Западного Крыма вызвало возражения со стороны С.Ю. Сапрыкина, по мнению которого среди жителей Гераклеи были потомки тех, кто переселился сюда из ионийских центров

---

¹² *Виноградов Ю.Г.* Милет и Ольвия. Проблемы взаимоотношения метрополии и колонии на раннем этапе // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 49; *Vinogradov J.G.* Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontosgebietes // Actes du VII-e Congrès Intern. d'Épigraphie Grecque et Latine. Bucaresti-Paris, 1979. P. 298; *Яйленко В.П.* Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. М., 1982. С. 290.

¹³ *Кутайсов.* Античный город Керкинитида. С. 8; *Шеглов.* Северо-Западный Крым... С. 22.

¹⁴ *Hind J.* Herodotus Geography of Skythia: The Rivers and the «Rugged Peninsula» // Причерноморье VII–V вв. до н.э. Тбилиси, 1990. С. 130–131.

¹⁵ *Зенкович В.П.* Морфология и динамика советских берегов Черного моря. Т. 2. М., 1960. С. 167; *Невесский Е.Н.* Процессы осадкообразования в прибрежной зоне моря. М., 1967. С. 177–178. Рис. 91; *Кутайсов В.А.* Культурно-историческая стратиграфия Керкинитиды // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 9.

¹⁶ *Слудский А.Ф.* Древние долины реки Салгир // Известия Крымского отдела Географического общества СССР. 1953. Вып. 2. С. 31–38. Критику отдельных положений автора см. *Львова Е.В.* Равнины Крыма. Симферополь, 1982. С. 28, 31.

¹⁷ *Vinogradov J., Zolotarev M.* La Chersonèse de la fin de l'archaïsme // Le Pont-Euxin vu par les Grecs. Sources écrites et archéologie. P., 1990. P. 87–119; *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Древнейший Херсонес // Причерноморье в VII–V вв. до н.э.: письменные источники и археология. Тбилиси, 1990. С. 48–73; *Золотарев М.И.* Херсонесская архаика. Севастополь, 1993. С. 13–14; *он же.* Херсонесская архаика // ВДИ. 1995. № 3. С. 149–151; *он же.* К хронологии древнейшего Херсонеса // Античные полисы и местные население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 100–106; *idem.* Sur la chronologie de Chersonésos à l'époque archaïque // Sur les traces des argonautes. P., 1996. P. 311–317.

Малой Азии еще во времена Великой колонизации, в том числе из Милета¹⁸. Самой ранней археологической находкой на первоначальном херсонесском поселении является крышка чернофигурной леканы, изготовленной в мастерских Беотии в третьей четверти VI в. до н.э., т.е. в период, синхронный появлению Керкинитиды. Этот антикварный сосуд – семейная реликвия – был привезен на северный берег Понта гераклейским аристократом беотийского происхождения¹⁹.

Среди материалов из раскопок 1914 г. Р.Х. Лепера на Маячном полуострове А.Н. Щеглов обнаружил несколько фрагментов позднеархаической керамики и монеты-стрелку конца VI – начала V в. до н.э. Это послужило автору основанием для предположения о возникновении в верховьях Казачьей бухты в указанное время поселения, просуществовавшего до начала IV в. до н.э. – до возведения укрепления на перешейке Маячного полуострова. Оно, таким образом, существовало одновременно с алойкией в северо-восточном районе Херсонесского городища²⁰. По его мнению, именно за данным поселением в античной традиции могло закрепиться наименование «старый», «древний» Херсонес (Strabo. VII.4.2), а быть может, в отличие от главного центра, оно могло называться Мегарикой (Plin. NH. IV.85). Выдвинутые А.Н. Щегловым догадки требуют самой серьезной проверки. Однако и сейчас трудно поверить, что следы достаточно большого археологического объекта, несмотря на интенсивные поиски последних десятилетий, до сих пор не обнаружены. Что же касается «монеты-стрелки», то осмотр этих металлических предметов в фондах заповедника убедил меня в том, что они таковыми не являются: это фрагменты каких-то бронзовых изделий или в лучшем случае стрел.

Калос Лимен – второе по значению древнее поселение в Северо-Западном Крыму. О нем, как и о Керкинитиде, сообщают Херсонесская присяга и декрет в честь Диофанта, а также псефизма в честь херсонеситов, отличившихся в окрестностях Прекрасной Гавани (IOSPE. I².352–353, 401). Он упоминается только римскими авторами: Помпонием Мелой (II.3), Аррианом (PPE. 30), Анонимным автором (PPE. 83) и Клавдием Птолемеем (III. 5.1). Быть может, в описании Страбона (VII. 4.2) Калос Лименом являлся анонимный маленький городок при выходе из Каркинитского залива²¹. Совсем недавно С.Ю. Сапрыкин исходя из достаточно сложной системы аргументации пришел к выводу, что Калос Лимен имел второе название – Скификон, отражающее как его этногеографическое положение, так и периодическое попадание поселения под власть скифских царей²². Традиционно считалось, что Калос Лимен – самое крупное херсонесское укрепление Тарханкутского полуострова. Однако в последние годы тут были раскрыты строительные остатки более раннего поселения, возникшего в начале IV в. до н.э., но не ранее рубежа V–IV вв. до н.э., и погибшего в пожаре в третьей четверти IV в. до н.э. С ним связаны первые погребения в сырцовых склепах под курганными насыпями некрополя²³. По всем своим основным

¹⁸ Saprykin S. Chersonesos Taurike: New Evidence on a Greek City-State in the Western Crimea // Proceeding of the First Intern. Congress on the Hellenic Diaspora from Antiquity to Modern Times. V. I. Amsterdam, 1991. P. 229–244.

¹⁹ Zolotarev M.I. A Boeotian Lekanis from Chersonesos // Ancient Civilizations. 1994. I, 1. P. 112–117; Золотарев. К хронологии... С. 100–104.

²⁰ Щеглов А.Н. О времени возникновения «старого» Херсонеса Страбона // Античное общество: проблемы истории и культуры. Тез. докл. науч. конф. СПб., 1995. С. 46–49; он же. Крепостные стены «старого» Херсонеса // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995. С. 45; он же. Первая находка монеты-стрелки в Юго-Западном Крыму и ее значение для понимания текста Strabo. VII. 4.2 // IV Всероссийская нумизматическая конф. Тез. докл. М., 1996. С. 7–8.

²¹ Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 129 сл.

²² Сапрыкин С.Ю. «Эмпорий Таврикон» и «Скифская гавань» Калос Лимен в керамических клеймах Херсонеса Таврического // ВДИ. 1996. № 1. С. 131–132; Saprykin S.Yu. Emporion Taurikon and Scythian Harbour of Kalos Limen on Ceramic Stamps of Tauric Chersonesos // REA. 1996. 98. № 3–4. P. 357–370.

²³ Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Археологические исследования Калос Лимена // Археологические исследования в Крыму. 1993 г. Симферополь, 1994. С. 172; они же. Ранний строительный ярус Калос Лимена // Мир Ольвии. К 90-летию проф. Л.М. Славина. Киев, 1996. С. 136–139.

характеристикам материальной культуры оно аналогично расположенному рядом поселению Панское I²⁴. Основываясь на вышесказанном, А.Н. Щеглов не исключал возможности появления Калос Лимена, как и Панского I, после освоения побережья переселенцами из Ольвийского полиса²⁵. С.Ю. Сапрыкин видит причину Ольвийской колониционной деятельности во внутриполитической борьбе в полисе после установления там тирании²⁶; М.И. Золотарев усматривает намеки на существование ольвийских поселений в Северо-Западном Крыму в одном из ее декретов²⁷, а Ю.Г. Виноградов рассматривал это укрепление как форт (фрурион) для защиты окрестных поселений, который одно время возглавлял известный ольвийский аристократ Леократ²⁸. Однако нам представляется ольвийское происхождение поселения Панское I еще окончательно не доказанным: несмотря на ряд весьма серьезных обстоятельств, многократно повторенное предположение не обретает силу исторического факта.

Сейчас мы можем констатировать, что херсонесское укрепление возникло не на пустом месте, а над остатками более раннего поселения, от которого оно, вероятно, и восприняло свое столь благозвучное название. В действительности Ак-Мечетская бухта при более низком уровне моря была меньших размеров: в ней отсутствовали восточный и в виде длинного языка западный мелководные рукава, образовавшиеся в результате трансгрессии Черноморского бассейна, что, тем не менее, нисколько не ухудшало ее навигационных характеристик.

Античные авторы донесли до нас еще один урбоним, относящийся к интересующему нас региону: город Парасин, в котором имелась земля, излечивающая всякие раны (Plin. II.210), а также лежащий внутри Таврического Херсонеса город Пароста (Ptol. III.6.5). Ю. Кулаковский располагал его в районе Сакских грязей²⁹, С.Б. Ланцов – на одном из берегов Сакского озера³⁰. В греческом источнике, которым воспользовался Плиний, считает М.В. Скржинская, Парасин был обозначен словом «полис», который находился на зависимой от Херсонеса территории³¹. У Сакского озера обнаружен рельеф с изображением апофеоза Геракла³², который в данном месте, по всей видимости, почитался как бог-целитель и открыватель уникальных лечебных качеств рапы³³. Недавно высказано мнение о том, что Пароста находилась в Восточном Крыму³⁴. Нам представляется, что названия эти вряд ли относились к апойкии, возникшей в период колонизации западного побережья, или хотя бы

²⁴ *Sčeglov A.N. Un établissement rural en Crimée: Panskoje I (fouilles de 1969–1985) // DHA. 1987. № 13. P. 239–273; Čhtčheglov A. Polis et Chora. Cité et territoire dans le Pont-Euxin. P., 1992. P. 238–243.*

²⁵ *Щеглов А.Н. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н.э. // Античная гражданская община. Проблемы социально-политического развития и идеологии. Л., 1986. С. 166. Прим. 35; он же. О времени и обстоятельствах возникновения Калос Лимена // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Херсон, 1990. С. 59–60.*

²⁶ *Saprykin. Khersonesos Taurike. P. 238.*

²⁷ *Золотарев М.И. Межполисные отношения в Северном Причерноморье в конце V – первой половине IV ст. до н.э. Херсонес, Боспор и Ольвия // Археология. 1991. № 4. С. 30–32.*

²⁸ *Vinogradov. Der Pontos Euxenos... S. 33; Виноградов. Понт Евкийский... С. 19–20; он же. Ольвиополиты в Северо-Западной Таврике // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 53.*

²⁹ *Кулаковский Ю. Заметки по истории и топографии Крыма // Археологические известия и заметки. 1896. № 1. С. 1–2.*

³⁰ *Ланцов С.Б. Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 89–90.*

³¹ *Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 70, 72.*

³² *Наливкина М.А. О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма // СА. 1940. № 6. С. 108–109; Анохин В.В., Павленков В.И. Сакский рельеф с изображением «пирующего» Геракла, хранящийся в КИАМ // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Керчь, 1984. С. 9–10.*

³³ *Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 16; Ланцов, Павленков. Ук. рец. С 181–182.*

³⁴ *Зубарев В.Г., Масленников А.А. Историческая география европейского Боспора по Клавдию Птолемею // СА. 1987. № 3. С. 49; Зубарев В.Г. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолема: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 10.*

к небольшому городку, каковых в районе Сакского озера просто нет. Скорее всего Парасин – Пароста – наименование только лишь одного из поселений херсонесской хоры, где использовались уникальные лечебные возможности местных грязей. По Плинию, рекреационному назначению Парасина и его топографии не соответствует ни одно из объяснений этимологии этого слова: древнеиранское *Parusta* (*Paruasta*) – «стоящий первым, передним», «находящийся впереди»³⁵, индоарийское *parōsta* – «у устья», *p(a)račina* – «восточный»³⁶ индоиранское *Parosta* включает понятия «наивысшая точка, вершина» и *-stha* «находящийся, расположенный где-либо»³⁷.

В стратегически важном пункте побережья – в месте соприкосновения пересыпей Сакского и Сасык-Сивашского озер, где расположено городище Кара-Тобе, Д.С. Раевский, как известно, локализует упоминаемый Страбоном (VII. 4.7), Птолемеем (III, 6.2) и Аммианом Марцеллином (XXII. 7.10) Евпатории³⁸. В 1987 г. здесь был найден фрагмент известняковой плиты с надписью на трофее в честь одержанной победы, где называется исторически засвидетельствованное лицо – Аристоник³⁹. Эта надпись, как нам представляется, свидетельствует против предположения Д.С. Раевского, ибо в декрете в честь Диофанта (IOSPE. I² 352) постанова трофея над побежденными скифами во главе с Палаком не связана синтаксически с основанием города, так как эти события разделены ремаркой о покорении окрестных товаров. Как показали раскопки последних лет, на городище в конце II в. до н.э. была возведена одна мощная башня (12,0×12,2 м)⁴⁰. Даже если она представляла собой не отдельно стоящий донжон, хотя к ней не примыкают другие стены, а лишь ключевой элемент оборонительной системы, само крошечное укрепление вряд ли можно считать городом, основанным в честь Митридата VI Евпатора, так как в декрете он назван *πόλις ἐπὶ τοῦ τόπου συνουκείας*. Сам трофей мог быть связан не с генеральным сражением, которое упоминается в псефизме Диофанта, а только с локальной победой отдельного подразделения понтийского экспедиционного корпуса. Ведь на сохранившемся обломке упоминается лишь командир отдельного отряда морского десанта, судя по дальнейшей карьере Аристоники⁴¹.

С западным побережьем Таврики, помимо перечисленных, можно связать еще ряд топонимов, на которых мы остановимся ниже. Они могут пролить дополнительный свет на проблему колонизации интересующего нас региона⁴². В первую очередь следует вспомнить упоминаемую Птолемеем (Geogr. III. 6.2) и Аммианом Марцеллином (XXII. 8.35) Дандаку. Исходя из приведенных координат александрийского географа можно заключить, что она располагалась немного северо-западнее Херсонеса, но вместе с тем восточнее и южнее Калос Лимена и Керкинитиды. Сложность исчисления Птолемея, к сожалению, не позволяет точно определить местоположение этого пункта: где-то на побережье к северу от Херсонеса. Само это название *dantā*, озна-

³⁵ Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 208.

³⁶ Трубачев О.Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ. 1977. № 6. С. 21.

³⁷ Яйленко В.П. К этнической истории юга Украины: индоарии – киммерийцы – тавры // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Ч. II. Запорожье, 1994. С. 203–204.

³⁸ Раевский Д.С. О местоположении древнего Евпатория // ВДИ. 1968. № 3. С. 127–133. Иные локализации Евпатория см. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 216–217; *он же*. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 136.

³⁹ Виноградов Ю.Г., Внуков С.Ю. Греческая надпись со скифского городища Кара-Тобе // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Ч. I. Запорожье, 1989. С. 28–29.

⁴⁰ Внуков С.Ю. Раскопки на Кара-Тобе у г. Саки // АИК. 1993. Симферополь, 1994. С. 60–67.

⁴¹ Сапрыкин. Понтийское царство. С. 138–139.

⁴² Кутайсов. Античный город Керкинитиды. С. 149; *он же*. Предисловие к сб. «Северо-Западный Крым в античную эпоху». Киев, 1994. С. 7; *он же*. Некоторые аспекты греческой колонизации Западного Крыма // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 116–120; *Kutaisov V.A. Aspects de la colonisation de la Crimée occidentale // Sur les traces des argonautes. P., 1996. P. 297–301.*

чающее «зуб», относится к исконно иранскому: авест. *dantan-*, староосет. *dandāk*, осет. *dændag*. Исходя из семантики слова, лингвисты полагают, что таким термином обозначался какой-то каменистый мыс или зубовидный выступ⁴³. Видимо, учитывая все сказанное, А.Н. Щеглов помещал Дандаку у мыса Лукулл, на Усть-Альминском городище, с чем соглашался и Д.С. Раевский⁴⁴, а автор этих строк – на самой оконечности Тарханкутского полуострова, где расположен один из самых крупных, но археологически почти не изученных памятников – Караджинское городище⁴⁵. Предпочтест последнюю локализацию заставило два обстоятельства: во-первых, этимология топонима, скорее всего, подходит к скальному выступу, нежели к глинистому мысу, хотя и со сцементированной галькой в основании; во-вторых, отсутствие упоминания Дандаки в географической номенклатуре Геродота, о чем будет речь чуть ниже. Тем не менее, до открытия реальных напластований VI–V вв. до н.э. на том или ином из названных объектов обе предложенные локализации пока равноправны. Однако, как ни велики расхождения в расположении данного топонима на местности, все они связаны с Западным Крымом и так или иначе имеют отношение к нашей теме.

В литературе предпринимались попытки объяснить значение этого слова из индоиранского *danda* – «палка», *dandana* – «вид тростника», откуда выходило, что *Δανδαχη* – «камышовая», теперь Камышовая бухта в Севастополе⁴⁶. В.П. Яйленко в одном случае считал Дандаку иранским названием⁴⁷, а в другом выводил его из санскрита: *dandaka* – «ручка, рукоятка, шест, столб», соответствующее описанию Геродотом таврских поселений⁴⁸.

Второе интересующее нас в данном случае географическое наименование – Тамирака, которым обозначался в древних источниках город (жители – тамиракены), мыс с пристанью и гаванью или просто какой-то ландшафтный объект без уточнения его характера. К востоку от мыса простирался Каркинитский, или Тамиракский, залив. К сожалению, из описания античных авторов трудно понять, на каком – южном или северном – берегу залива она находилась. Страбон (VII. 3. 19) и Птолемей (Geogr. III. 5.1) помещают упомянутый город или соименный мыс перед описанием Херсонеса Таврического. Напротив, из перипла Арриана можно заключить, что Тамирака находилась в Крыму. В лоции последнего, так же как и в тексте Анонимного автора, есть одна любопытная топографическая деталь, на которую исследователи не обратили внимание: местоположение небольшого озера внутри Тамираки (Агг. PPE. 31; Аноним. PPE. 83 (57)). Единственным местом, имеющим в настоящее время столь выразительные геоморфологические черты, является Бакальская коса, состоящая из двух стыкующихся к северу песчаных пересыпей, между которыми образовалась мелководная лагуна. Мощност илестых отложений этого водоема позволяет предполагать, что он существовал и в античную эпоху, хотя в конфигурации всего природного объекта произошли определенные изменения⁴⁹.

В литературе преобладают в основном две точки зрения по вопросу локализации города Тамираки: по одной – он находился на самом мысу, у восточной оконечности

⁴³ Миллер В. Осетинские этюды. М., 1882. Ч. 2. С. 47, 78; *Tomaschek*. *Dandaka* // RE. 1901. Bd 4. S. 2099; *Vasmer* M. *Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven*. I. Die Iranier in Südrusland. Lpz, 923. S. 70; *Merrit B.D., Wade-Gery H.T., Gregor Mc.M.F.* *The Athenian Tribute Lists*. V. I. Cambr., 1939. P. 478–479; *Абаев В.И.* *Осетинский язык и фольклор*. М.–Л., 1949. С. 161–162; *он же.* *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. 1. М.–Л., 1958. С. 355.

⁴⁴ Щеглов А.Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1965. № 2. С. 110–113; *Раевский*. О местоположении... С. 131. Прим. 36.

⁴⁵ *Кутайсов*. Античный город Керкинитиды. С. 149.

⁴⁶ *Трубачев*. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. С. 16, 19.

⁴⁷ *Яйленко В.П.* Этнический состав населения Крыма и смежных областей по данным античной топонимики // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. Симферополь, 1991. Вып. 2. С. 19.

⁴⁸ *Он же.* К этнической истории... С. 204.

⁴⁹ *Зенкович*. Ук. соч. Т. 2. С. 117–126.

Ахиллова бега (ныне остров или пересыпь Джарылгач)⁵⁰, либо напротив последнего, на материке⁵¹; по другой – в районе Бакальской косы уже на Крымском полуострове⁵². Расположение апойкии на песчанистой отмели, если исходить из характера и динамики развития Джарылгача, менее вероятно⁵³. Следует иметь в виду, что для ученых XIX – начала XX в. вопрос о местоположении Тамираки был неразрывно связан с локализацией другого города – Каркинитидой – Керкинитидой. Так, к примеру, если последнюю поместить на северном берегу Каркинитского залива, то на нем не остается места для Тамираки; ее приходится перемещать на Джарылгачскую косу, хотя некоторые исследователи помещают оба города по разные стороны устья реки Каланчак⁵⁴. Совершенно иную точку зрения, но, следует признать, без достаточных оснований, высказал П.Н. Шульц, определивший место Тамираки на Кульчукском городище, а сам мыс поместив в западной точке Тарханкутского полуострова⁵⁵. По мнению О.Н. Трубачева, этот «блуждающий» топоним относится не к конкретному пункту, а к Тарханкутскому побережью в целом⁵⁶. К месту вспомним, что Л.А. Ельницкий сопоставлял рассматриваемый нами топоним с древним засвидетельствованным Страбоном наименованием Меотиды – Темарунда⁵⁷.

Но какое отношение имеют Дандака и Тамирака, как, наверное, обратил внимание читатель, к нашей теме, коль скоро они упоминаются в источниках римского времени? Так преимущественно и рассуждали наши предшественники, рассматривая их в историческом контексте более позднего периода. Однако есть данные, на которые, к сожалению, до сих пор не обращено никакого внимания, позволяющие пересмотреть такой подход. Это, прежде всего, такой давно известный эпиграфический памятник, как Афинский податный список за 425 год до н.э.: в Эвксинском округе всеми без исключения исследователями по первым двум буквам восстанавливаются этниконы Тамирака и Дандака, ибо другие созвучные им географические наименования в Причерноморье просто отсутствуют (этноним дандарии здесь не в счет, так как в указанном документе перечислены только греческие полисы). Они упомянуты в 40-м фрагменте аттической надписи рядом с другими северопричерноморскими городами, включая Керкинитиду⁵⁸. Причем Тамирака, к примеру, выплачивала взнос в союзную казну 1 талант – в два раза больший, чем Керкинитида.

Но в таком случае Тамирака и Дандака, как и остальные, входившие в Афинский морской союз древнегреческие города, являлись эллинскими апойкиями, выведен-

⁵⁰ Minns E.H. *Scythians and Greeks*. Camb., 1913. P. 16; Vasmer. Op. cit. S. 69; Merrit, Wade-Gery, Mc.Gregor Op. cit. P. 553.

⁵¹ Брун Ф. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях // Древности Геродотовой Скифии. Вып. 2. СПб., 1872. С. 6–7; Bruun Ph. *Essai de concordance entre les opinions contradictoires relatives à la Scythie d'Herodote et aux contrées limitrophes*. SPb., 1873. P. 6–7; он же. Черноморье. Ч. 2. Сборник исследований по исторической географии южной России. Одесса, 1880. С. 46; Herrman. *Tamyrake* // RE. 1932. Bd IV, A 2. S. 2151; Danoff Chr. *Pontos Euxeinus* // RE. 1962. Suppl. IX. S. 870. Karte; 1117.

⁵² ИРЕ II (карта); Орешников А.В. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья // Нумизматический сборник. 1915. Т. 3. С. 48; Агбунов М.И. *Античная лоция Черного моря*. М., 1987. С. 119–120. Рис. 6. См. также соответствующий комментарий к переизданию «Известий древних писателей о Скифии и Кавказе» В.В. Латышева в ВДИ, 1947–1948 гг.

⁵³ Невесский. Процессы осадкообразования... С. 140–156.

⁵⁴ См. прим. 8.

⁵⁵ Шульц П.Н. Евпаторийский район: 1933–1934 // Археологические исследования в РСФСР: 1934–1936 гг. М.–Л., 1941. С. 270–271.

⁵⁶ Трубачев О.Н. *Indoarica* в Северном Причерноморье // Этимология. 1979. М., 1981. С. 126.

⁵⁷ Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 161.

⁵⁸ Merrit B.D., West A.B. *The Athenian Assessment of 425 B.C.* Ann Arbor, 1934. P. 39; Merrit, Wade-Gery, Mc.Gregor. Op. cit. P. 157.

ными сюда в процессе колонизации еще в VI в. до н.э.⁵⁹ Следовательно, Керкинитида была не единственным полисом на прибрежной полосе от Ольвии до Херсонеса. Крайняя скудость информации об этих городах, вероятно, вызвана тем, что они достаточно быстро сошли с исторической арены. Однако остается не совсем ясно, почему эти поселения не заинтересовали Геродота, описавшего побережье от Ольвии до Керкинитиды, как, впрочем, Тира и Никоний западнее Ольвии. Молчание историка о Дандаке, как представляется, исключает возможность ее расположения южнее Керкинитиды: в таком случае логичнее было бы использовать ее для уточнения северной границы обитания тавров, ибо указание о начале гористой Таврики от реки Альмы, несомненно, более точное, чем от современной Евпатории.

Название Тамираки уцелело, как часто бывает, в обозначении соответствующего мыса и залива. И это еще не все. Ф. Имхоф-Блюмер на заре XX в. опубликовал в одной из работ – в разделе «Не определенные монеты» – две мелкие (серебряную и бронзовую) монетки с изображением на аверсе мужской головы анфас в коническом шлеме или шапке и льва на реверсе. По обозначенной на монетах аббревиатуре ТАМ он связал их с чеканкой загадочного северопонтийского города Тамирака, расположенного на берегах одноименного залива. Она, по мнению ученого, была, как и Керкинитида, ионийской колонией⁶⁰. С таким предположением не согласился Е. Миннс, поскольку упомянутые монеты «никогда не были найдены на севере Эвксинского моря». Они принадлежали, на его взгляд, какому-то неизвестному малоазиатскому городу⁶¹. К такой постановке вопроса присоединился А.В. Орешников исходя из того, что столь маленький городок, как Тамирака, едва ли мог чеканить собственную монету⁶². Однако соображение это трудно признать справедливым, поскольку отсутствует какая-либо археологическая информация о данном населенном пункте; да и Керкинитиду вряд ли можно назвать большим поселением, а она, как известно, выпускала как литые, так и чеканные монеты. Ф. Имхоф-Блюмер вполне оправданно проводил стилистическое сопоставление монет Тамираки с пантикапейской мелкой медью⁶³. При этом изображения льва на рассматриваемых им серебряных монетах и медных боспорских иконографически почти идентичны. Лицевая сторона монет этого города, помимо уже упомянутого чекана Пантикапея, находит полную аналогию в сюжете аверса серебряных монет Фанагории и бронзовых монет Битириса в Троаде, трактуемом как голова кабира в коническом, так называемом фригийском колпаке⁶⁴. Стилистическое сходство заметно не только в передаче головного убора, но и в моделировке волнистых ниспадающих из-под шапки волос, в косой черточке на шее (в выпусках Фанагории и Тамираки), вероятно, обозначающей воротник кафтана, и, прежде всего, в одинаковой трактовке самого юношеского лика.

Приведенные нумизматические параллели, в первую очередь северопричерноморские, не позволяют «отказать» Тамираке в праве выпуска собственной мелкой разменной монеты и дают основания относить ее ко времени, вероятно, не позднее первой четверти IV в. до н.э., т.е. очень близкому к упомянутому Афинскому трибутивному списку. Тамиракская чеканка заставляет более пристально отнестись к судьбе этого до сих пор не локализованного города на берегу Каркинитидского залива.

⁵⁹ А.Н. Щеглов, например, используя факт отсутствия Дандаки у более ранних, чем Птолемей, античных авторов и в эпиграфических документах, связывал происхождение Усть-Альминского городища с деятельностью римских вексилляций (Заметки... С. 110, 112).

⁶⁰ Imhoof-Blümer F. Kleinasiatische Münzen. Bd 2. Wien, 1902. S. 527. Taf. XIX, 25–26.

⁶¹ Minns. Op. cit. P. 442.

⁶² Орешников. Ук. соч. С. 49.

⁶³ Ср. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. № 89.

⁶⁴ Там же. № 77–78; Babelon E. Traité des monnaies grecques et romaines. P., 1907. Part 2. T. 2. P. 1134–1138. Pl. CLXIX, 3–10.

Здесь к месту вспомнить, что в районе Бакальской косы в настоящее время известно несколько памятников античной эпохи, характер, хронология и культурная принадлежность которых, тем не менее, остаются пока неясными. Среди них поселение Отары у корня западной дуги названного природного объекта, а также Веселая долина юго-западнее Бакала, Сары-Булат (ныне Портовое) и находящееся на некотором расстоянии от моря поселение Огни (бывш. Бай-Оглу-Кипчак)⁶⁵. Все они еще требуют пристального изучения, так как пока ни один из названных объектов по размерам не может быть отождествлен пусть с небольшим эллинским городом или хотя бы с поселением городского типа.

Таким образом, в VI – первой половине IV в. до н.э. накануне вторичной дорийской колонизации на западном берегу Таврики, помимо Керкинитиды и селения на месте, где потом появился Херсонес, находилось еще несколько известных нам древнегреческих пунктов: по письменным свидетельствам это Дандака и Тамирака, по археологическим – поселения на месте Калос Лимена и Панского I. К каждому из них примыкала небольшая хора, судить о характере организации которой мы практически лишены возможности. Перечисленными демотиконами не исчерпывается все количество эллинских апоекий Северного Понта. Гекатей Милетский, например, упоминает Кардис, который он, как и Керкинитиду, называет городом Скифии (fr. 157 Steph. Byz., s.v.) и который, по справедливому замечанию Л.А. Ельницкого, рано прекратил свое существование⁶⁶. Вероятно, в процессе колонизации рассматриваемого региона здесь появилось большое количество эллинских поселений, что и засвидетельствовано письменными источниками. По всей видимости, определенная их часть в силу неблагоприятно сложившейся обстановки так и не пережила этап эмбрионального развития и не смогла превратиться в полноценные полисы. Названия некоторых из них сохранил Гекатей, но они совсем не упоминаются у более поздних авторов. Жителям таких пунктов оставалось лишь примкнуть к более благополучным апоекиям и раствориться в составе их населения или вернуться обратно в метрополию.

Как бы там ни было, но на этом участке Крыма ионийские колонии с прилегающей к каждой из них округой представляли собой по существу отдельные вкрапления. Сплошного освоения всего побережья ионянами не было в силу ограниченного демографического потенциала эллинских общин и отсутствия притока эпойков. Логично связывать исчезновение отдельных населенных пунктов с захватом Западной Таврики Херсонесом.

Завершая наш обзор, необходимо остановиться на том, насколько античная топонимика сохранилась на современной географической карте Крыма. К сожалению, мы должны констатировать, что ко времени присоединения полуострова к России в конце XVIII в. она практически была полностью утрачена, однако в генуэзских логиях еще без особого труда можно распознать целый пласт эллинских названий. Наименования балок Большой и Малый Кафель вряд ли восходят к столь отдаленной эпохе, отражая нахождение здесь видимых на поверхности земли руин древних сооружений. Возвращение целому ряду крымских городов и гидронимов древнегреческих названий произошло во времена Екатерины II, когда на географической карте вместо турецко-татарского Гезлева появилась Евпатория, споры о местоположении которой и сейчас еще далеки от завершения. Тогда же в полном соответствии с описанием Страбона (VII. 3.18–19) эта часть Черного моря была обозначена как Каркинитский залив.

В.А. Кутайсов

⁶⁵ Шульц П.Н. Отчет о работах Евпаторийского отряда Тавро-Скифской экспедиции в 1948 г. // Архив КФ ИА НАН Украины. 1949. С. 32; Зиновьев М.К. Археологические памятники Раздольненского района Крымской области // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 323–326; Щепинский А.А., Черепанова Е.Н. Памятники античного периода на берегу Каркинитского залива // Археология. 1974. 13. С. 62–65. Рис. 1.

⁶⁶ Ельницкий. Ук. соч. С. 68.

V.A. Kutaisov

Northwest Crimea is exceptionally rich in archaeological monuments from antiquity; to the present time more than 80 have been uncovered. However, historical designations have been attached to only two of these – Kerkinitis and Kalos Limen – while a third place name – Parasin-Parosta – has not yet been precisely connected to a particular archaeological site. In the author's opinion, analysis of written evidence makes it possible to connect Dandaka and Tamiraka (mentioned in such sources) to the western coast of Taurika. The restoration of these names on the Athenian tribute lists of 425 BC, along with that of different cities on the north coast of the Black Sea, indicates that these were ancient Greek apoikiai, established during the colonization of Pontus in the sixth century BC. This indicates that Kerkinitis was not the only polis, located between Olbia and Kheronesos.